

Была разница между тем, как мне нравился Хан Джун У, и тем, как мне нравится Го Ёхан.

Хан Джун У использовал меня.

А я в какой-то степени использовал Го Ёхана.

Вот почему он разочаровался во мне. Вот почему он возненавидел меня.

Общим фактором было мое поведение.

Точно так же, как я игнорировал Хан Джун У, я игнорировал и Го Ёхана.

Иногда я ловил себя на том, что смотрю на него, не осознавая этого. Но в тот момент, когда я это замечал, я поспешно, осознанно отводил взгляд. Я не хотел, чтобы кто-нибудь знал, что я обращаю на него внимание.

Меня бросили, но я не хотел верить, что меня бросили.

Нет, вообще-то я тоже бросил его.

Именно это ложное убеждение поддерживало меня.

В то время, когда взгляд Го Ёхана так и не встретился со мной, я задавался вопросом, почему он мне вообще понравился.

Во-первых, он был симпатичным. А я очень заботилась о внешности.

Во-вторых, он был высоким.

В-третьих, он был богат, но и я тоже, так что... Ладно...

Тогда в-третьих то, что он много учился. Но это была просто удивительная черта, а не причина, чтобы в него влюбляться. Так что...

В-третьих, он был добр ко мне.

Да. Он был добр ко мне.

И даже после того, как он узнал мою истинную природу, он все равно был добр.

Мне потребовалось пять ночей прежде чем я, наконец, начал сожалеть о том, что произошло в его доме. Иногда по ночам мне было так стыдно за себя, что я не мог уснуть. От такого стыда мне хотелось задушить себя насмерть.

Ночи, когда я мечтал, чтобы Кан Джун просто исчез. Умер и меня не стало.

А потом наступало утро, а Кан Джун все еще был здесь, такой же равнодушный, как всегда.

С тех пор я перестал смотреть на Го Ёхана - даже осознанно, я старался этого не делать. Я заставлял себя. Снова и снова.

Бывали даже дни, когда я ни разу не смотрел на него.

Но дни как-то незаметно пролетали.

По сравнению с тем, что я нашел на своем столе в научной лаборатории, они были не такими уж плохими.

— ...

<Свергнутый король Кан>

<Ебанный неудачник>

<Возможно, это войдет в историю, лол>

Слова были нацарапаны на парте во втором ряду перманентным маркером.

Я не знал, когда это было написано. Я не знал, кто это написал. Я даже не был уверен, что "Кан", о котором идет речь, - это я.

Но я знал.

Инстинктивно я понимал, что это касается меня.

До сих пор меня никогда не волновало, когда люди оскорбляли меня.

Потому что я знал — действительно знал, - что их ненависть проистекала из зависти.

Их критика была вызвана моим успехом.

Конечно, они ненавидели ботаника, который ни разу не опускался с самых высоких позиций в рейтинге. Конечно, они презирали умника, который общался с детьми, стоящими на вершине социальной лестницы.

Но это было другое.

Всего четыре символа – четыре штриха чернилами – идеально отразили мое падение.

Точнее, они кое-что поняли.

— ...Жалкие неудачники.

Пробормотал я, но мое лицо пылало от унижения и ярости.

Единственным спасением было то, что во время презентации PowerPoint свет был выключен.

Если бы он был включен, все бы увидели.

Все бы знали, что я был унижен.

И все это всего за несколько дней...

Люди недооценивали, насколько чувствительными на самом деле были мальчики.

Они притворялись, что им все равно, но никто не был более восприимчив к реакции других, чем они сами.

А поскольку признать, что им не все равно, означало признать собственную слабость, они притворялись, что ничего не замечают.

Было ясно, что все уже заметили, что между мной и Го Ёханом что-то изменилось.

Мои руки дрожали.

Я прижал ладонь к столу и с силой потер.

Чернила не сдвинулись с места.

Тем не менее, я сжал кулак, скрывая обиду, высоко подняв голову и проглотив желчь, подступившую к горлу.

И все это всего за несколько недель...

Я подавил свое унижение из чистого упрямства.

На это не было времени. Я должен был что-то сделать.

Нет, сначала я должен была стереть это, пока никто другой не увидел.

Слезы под глазами грозили хлынуть наружу, но я сдерживался изо всех сил.

Я прикусил губу, пока никто не видел.

Я чуть не повернул голову к Го Ёхану.

Почти.

Но мне удалось устоять и перед этим.

И когда урок закончился, я бросился в медпункт, схватил немного спиртного и побежал обратно в научную лабораторию...

Только для того, чтобы обнаружить, что слова уже превратились в фиолетовое пятно.

Кто-то пытался их стереть.

Сначала охватила паника.

Затем отчаяние.

Кто-то это видел.

И как раз в тот момент, когда меня охватил ужас, раздался голос.

— Шин Джэхен стер это для тебя. Иди поблагодари его.

Взгляд был полон сочувствия.

И в этот момент я понял.

Я был уничтожен.

Впервые в жизни я увидел имя Шин Джэхена в табели о рангах в коридоре.

31-е место по всей школе.

Если бы наша химичка не назвала мне его имя, я бы никогда не смог догадаться, кто он такой.

После этого случая я три дня наблюдал за ним.

Я хотел знать все.

Как он увидел надпись.

Почему он ее стер.

Была ли это доброта? Жалость? Чувство справедливости?

Рассказал ли он кому-нибудь об этом?

Распространил ли он слух – сознательно или неосознанно?

Я должен был знать.

Хоть и было очевидно, что многие люди уже видели надписи.

Я заикнулся на имени Шин Джэхена.

Потому что он был единственным свидетелем, которого я нашел.

И то, что я в конце концов узнал о нем... было неожиданным.

Если быть честным, он был таким отвратительно здравомыслящим, что это выводило меня из себя.

По-видимому, до средней школы он жил в Америке.

Типичный любитель активного отдыха.

Спокойный, никогда не привязывался к какой-либо определенной группе, никогда не ввязывался в драму, но и не подвергался остракизму.

Несколько парней, которые общались с ним, описывали его так: Ходячий шар позитива из Лос-Анджелеса. Какой-то американизированный идиот, который иногда плохо говорил и по-корейски, и мешал английский. Тихий парень, но ему можно доверять.

Именно таким его и видели учителя.

По иронии судьбы, учителя были невысокого мнения о нем.

Не в плохом смысле – просто в непримечательном.

Я узнал этот ответ из первых уст, когда случайно спросил о нем свою классную руководительницу, беря в руки распечатки.

— Джэкен? Он хороший парень. Хотя иногда забывает о домашнем задании.

Реакция других учителей была такой же сдержанной.

— Шин Джэкен учится в первом классе?

— Да, в нашем классе.

— О, правда?

Они слишком доверяли мне.

После того, как я зарекомендовал себя как лучший ученик, их доверие ко мне только возросло.

Разговорчивые учителя небрежно выставляли свои оценки Джэхену прямо передо мной.

Не то чтобы это было что-то негативное – иначе они не говорили бы об этом так открыто.

Затем моя классная руководительница вдруг спросила, как будто с любопытством:

— Но почему ты спрашиваешь?

Я аккуратно поправил распечатки в своих руках.

— Он просто кажется... милым.

— Он и правда милый, — сказала она, на этот раз с неподдельной искренностью. — Он такой же добрый, как и ты.

Услышав это, я почувствовал некоторое облегчение. Мои мысли наконец-то успокоились.

Не было бы никаких слухов.

После этого я поговорил с Шин Джэхеном всего один раз.

Я поймал его в суматохе между занятиями, когда он проскользнул в толпу, когда я подошел.

Я сказал только одну вещь.

— Спасибо.

На самом деле это была не благодарность.

Это была скорее просьба - никому не говори. Ни слова о моем унижении.

Это было то, на что я надеялся.

Шин Джэхен, который во время прогулки смотрел в небо, внезапно повернулся ко мне, сбитый с толку.

— За что?

Его лицо было пустым, по-настоящему непонимающим.

В тот момент я не ответил. Слишком много глаз.

Джэхен задал вопрос, но так и не получил ответа.

Вместо этого он просто озадаченно улыбнулся мне, прежде чем отвернуться, как будто думая:

Какой странный парень.

И в этот момент я, наконец, понял, почему никогда не слышал о нем ничего плохого.

Шин Джэхен. Он был еще лучше, чем я думал.

— Ах!

Боль пронзила мою спину, заставив меня вскрикнуть.

— Что за...?

Я потерял место укуса левой рукой и резко обернулся.

Но там никого не было.

Я инстинктивно посмотрел вниз.

У моих ног неподвижно лежал маленький резиновый мячик.

Я снова вскинул голову, осматривая коридор.

Но там ничего не было.

Мое положение было шатким, но моя гордость не пострадала.

Должно быть, я родился с сильным чувством гордости.

Мое воспитание только укрепило его, превратив меня в того, кем я был сейчас.

Но иногда чрезмерная гордость подрывала мою самооценку.

В основном, перед зеркалом.

— Если бы я только вырос еще на пять сантиметров.

Тогда я был бы, по крайней мере, 180 сантиметров.

Мой маленький рост и кости тоньше среднего были моими самыми большими недостатками.

Даже моя мама признавала это.

Она всегда пыталась навязать мне фитотерапию, каждый раз намекая на мои комплексы.

— Всего лишь еще пять килограммов, хорошо? Ты будешь выглядеть намного лучше.

Но мое тело было не из тех, что позволяло набирать вес.

И, к сожалению, из-за маленького роста меня было легче игнорировать.

Вот почему я цеплялся за учебу: внешний вид и социальные связи.

Чтобы выжить в иерархии, мне приходилось играть теми картами, которые у меня были.

К счастью, я всегда был в верхнем эшелоне каждой группы.

Так что я думал, что у меня есть страховка.

То, что с Го Ёханом все закончилось, вовсе не означало, что вся моя жизнь рухнула.

В последнее время я активно завязывал разговоры с другими людьми.

В результате, помимо обеда, я все еще мог общаться с одноклассниками и знакомыми по школе.

Досадно, что среди них был и О Енджун.

— Привет, Кан Джун!

Но среди всех этих неуловимых изменений в моем социальном положении был один особый сдвиг.

Едва заметный сдвиг.

Небольшая, но неоспоримая попытка унижить меня.

— Ты закончил домашнее задание? Можно мне взглянуть? Прости, я совсем забыл о нем сегодня.

О Енджун начал действовать мне на нервы.

И сегодняшний день стал последней каплей.

Пятый урок.

В классе было шумно от жалоб на предстоящую аттестацию.

Большинство из них ворчали.

— Какого черта они заставляют старшеклассников ее сдавать? Просто замените это оценкой за тест.

— Заткнись, чувак, только не тест... Тест был бы еще хуже. Я понятия не имею, что выбрать для моей темы.

— Я попрошу маму сделать это за меня.

— Господи, ты безнадежен.

Затем ко мне повернулись два человека.

Пак Хаон, девятый в школе, и Им Юнки, двадцать первый.

— Эй, Кан Джун, ты уже выбрал тему?

В последнее время я больше всего старался сблизиться с этими двумя.

Наконец-то это принесло свои плоды.

Чувствуя легкое воодушевление, я ответил.

— Пока нет. Я подумывал спросить об этом у своего учителя.

— У какого учителя? Когда ты собираешься спросить?

Прежде чем я успел ответить, в разговор внезапно вмешался Енджун, который слушал издалека.

И, конечно же, ему пришлось сказать что-то неприятное.

— Эй, Кан Джун! Давай позже спросим вместе. Я помогу тебе. Я имею в виду, у тебя повреждена рука, так что писать, должно быть, непросто, верно? Без проблем, да?

— ...

Я чуть было не нахмурился прямо ему в лицо.

Когда, черт возьми, мы успели сблизиться настолько, чтобы он спрашивал это?

Если и был кто-то, с кем я не хотел заводить дружеские отношения, так это Енджун.

Каждый раз, когда я его видел, мой желудок скручивало от раздражения.

Он заставил меня сгорать от ревности.

Я даже не хотел вступать в разговор. Поэтому я просто дал неопределенный ответ.

— Да... Конечно. Давай позже спросим вместе.

— Хорошо... Тогда позже... А, точно.

Я знал, что за этим последует.

Каждый раз, когда он говорил хорошо, он был готов затеять драку.

— Но как же твоя рука? Если она заживает три месяца, разве это не значит, что она сломана, а не просто треснула?

— Это не так.

— Ну, чувак! Мой брат сломал палец на ноге, и на это ушло ровно три месяца.

В чем, черт возьми, его проблема?

Почему он такой?

Раздражение скапливалось у меня в груди.

Я не мог просто согласиться.

Если бы я признался в этом, он бы никогда не заткнулся.

Он продолжал бы поднимать эту тему, упрямо навязывая мне свою версию правды.

Енджун был из тех, кто всегда был прав.

А я никогда не собирался доставлять ему такого удовольствия.

Я был мелочным человеком.

— Енджун, может, ты просто неправильно запомнил?

— Тем не менее, это так. Мой брат буквально так и сказал. Это ты ошибаешься!

— Да ладно, тебе не кажется, что я лучше знаю свое тело?

Я сохранял невозмутимый тон.

— Три месяца... Так сказал врач. Они посоветовали мне не напрягаться в течение трех месяцев. Ты думаешь, что ты умнее врача?

Этот сарказм, наконец, заставил О Енджуна замолчать. Его самодовольный рот закрылся, и удовольствие от того, что он увидел, как это произошло, того стоило.

— Тогда неважно... Ах, да. То, что я говорил раньше...

У меня едва хватило секунды, чтобы насладиться своей победой, прежде чем он заговорил снова.

— После занятий мы встречаемся в академии. Ты должен пойти со мной, понял? Даже не думай о том, чтобы улизнуть в одиночку.

Затем, без предупреждения, он толкнул меня в плечо.

Если бы моя рука была в порядке, я бы смог удержаться.

Но одна из моих рук была бесполезна.

Дерьмо. Блять.

Енджуну, должно быть, это доставляло удовольствие.

Он никогда не осмеливался выкинуть такое дерьмо, когда я был с Го Ёханом, но теперь, когда он увидел возможность, он начал выкручиваться. Карабкался вверх.

И теперь он хотел унижить меня?

Гребаный ублюдок.

— ...

Но было уже слишком поздно.

Моя левая рука бесполезно шарила по столу.

И как раз в тот момент, когда я смирился с тем, что буду на полу...

Стул с яростным скрежетом ударился об пол.

Это был мой стул?

Меня действительно так сильно толкнули?

Дерьмо.

Я крепко зажмурил глаза, молясь, чтобы, по крайней мере, я не упал жалкой кучей.

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

— ...А?

Но я так и не ударился о землю.

Каким-то чудом я перестал падать.

Кто-то подхватил меня – неуклюже, но крепко.

Большие ладони легли мне на спину, удерживая на месте.

— Будь осторожен.

Я приподнялся и повернулся, чтобы посмотреть, кто это был.

— ...О.

К моему удивлению, это был Шин Джэхен.

Я уставился на него в замешательстве, прежде чем пробормотать.

— ...Спасибо.

— Не стоит благодарности.

Джэхен, совершенно невозмутимый, растворился в толпе.

Позади меня кто-то произнес голосом, в котором смешались веселье и недоверие.

Пак Хаон.

— Разве он не американец?

— О, Шин Джэхен? Да, от него разит энергией янки*, что бы он ни делал.

Енджун, услышав это, сразу же преувеличил свою реакцию.

Он даже передразнил голос Джэхена, придав ему глупый гнусавый оттенок.

— Не стоит благодарности.

Но посмотрите на этого мудака – он толкнул меня и до сих пор не извинился?

Меня охватил гнев.

Я выпрямился и уставился на него.

— Енджун.

— Хм?

— Я только что чуть не упал.

— О, эээ... О да! Виноват, чувак. Я буду осторожнее. Но, серьезно, этот парень настоящий янки, верно?

Какое бесстыдное, блять, отклонение от темы.

Он даже не пытался это скрыть.

И теперь он издевался над губами Джэхена, нелепо кривя свои.

Но прежде чем я успел что-либо сказать, вмешался Хаон.

— Эй, прекрати. Джэхен хороший парень.

— Да, таких, как он, немного. Конечно, он немного тугодум, но все же.

Я слегка нахмурился.

— Вы двое хорошо его знаете?

На мой неожиданный вопрос Им Юнки жестом указал между собой и Хаоном.

— В прошлом году мы учились в одном классе.

— Да?

— О, ты не знал? Хотя думаю, это логично. Он действительно не очень-то заметен.

— Да, он не очень разговорчив. Но, как ни странно, у него много друзей. Это в некотором роде очаровательно.

Хаон и Юнки хорошо ладили друг с другом – почти как лучшие друзья.

Это был такой дуэт, к которому другим было трудно присоединиться.

И, очевидно, Енджун почувствовал себя обделенным.

Так что, будучи бесстыдным ублюдком, каким он и был, он вместо этого повернулся ко мне.

— В любом случае, Джун, мы встретимся до или после урока?

Он все еще цеплялся за это?

подавив раздражение, я решительно ответил:

— После.

— Хорошо! Тогда пойдем после урока.

— Енджун, ты что не можешь справиться с этим сам?

Юнки, добродушно улыбаясь, шутливо отчитал его.

Мне, конечно, понравился комментарий Юнки.

Понятия не имею, почему он был на моей стороне, но я не жаловался.

С другой стороны, Енджун жаловался.

— Ни за что! Я должен получать хорошие оценки! Я хочу поступить в колледж с помощью досрочного зачисления!

— Чувак, должно быть, приятно иметь такую роскошь. Разве ты не баллотировался на пост президента студ совета? Этого же должно хватить для твоего поступления.

Енджун скорчил странную мину, внезапно став застенчивым.

— ...Да, я думаю, это поможет...

— Это определено так.

Хаон и Юнки, будучи такими щедрыми, тешили его хрупкое самолюбие.

Я же не согласился.

Это даже не произвело впечатления на меня.

Но, судя по выражению его лица, Енджун был в восторге.

Думаю, он был из тех людей, которые с готовностью принимают комплименты, какими бы поверхностными они ни были.

— Мило! Чуваки, после общения с вами, ребята, все становится понятнее. В любом случае, я ухожу! Увидимся позже, Джун!

— Пока!

— Увидимся.

Скатертью тебе дорога.

*Янки - прозвище для жителей США, первоначально унижительное, но после ставшее нейтральным для населения всех жителей США и Новой Англии.

<http://bllate.org/book/12586/1118505>